

ТАГАНРОГСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

„Последние“

Первый и основной вопрос, который с необходимостью возникает при оценке каждого спектакля, это вопрос о том, насколько замысел автора, идеинсе направление его пьесы, судьбы его героев нашли свое воплощение в театральных образах, во всем спектакле. Поэтому мы вправе задать вопрос: прозвучал ли подлинный Горький на сцене Таганрогского театра? Безусловно. Театр правильно раскрыл основную мысль Горького, заключенную не только в пьесе «Последние», но и во всем его творчестве, мысль о губительном, уродующем человеческую личность, действии капитализма.

Режиссер Гайдаров и артисты, занятые в спектакле, не пошли по пути короткой и безоговорочной расправы со всеми обитателями дома обелившегося дворянина Ивана Коломийцева. Дворяне, мол, да и к тому же последние, что с ними перемогаться! То, что дворяне не были носителями гуманизма, ясно не только Горькому, но и каждому здравомыслящему человеку. То, что капиталисты—эксплуататоры, у Горького тоже никогда не вызывало возражения. Однако, только ли об этом говорит Горький в пьесе «Последние» и в других своих произведениях? Только ли этим ограничивается его критика капитализма, как эксплуататорского строя? Нет. В пьесе «Последние», как и в «Зыковых», как и в «Егоре Булычеве», красной нитью проходит мысль о том, что капитализм превращает человеческую жизнь в помойную яму, где гибнут как ее защитники, так и те, в которых заговорила совесть, которые поняли, что они «не на той улице жили». Но заговорила поздно, и поэтому они переживают муки духовного распада. Отсюда неодинаковое отношение Горького к людям капиталистического общества. Есть капиталисты Маякины, силой своего золота заставляющие других страдать, но есть и Булычевы, на склоне своих лет понявшие, что жили они не так, как должен жить человек, и поэтому они страдают от тяжести золотого мешка, от душевной опустошенности. Одни хотят все подчинить себе, силе своего золота и, добиваясь этого, считают себя счастливыми. Другие, поняв, что они из жизни разводили духоту и грязь и сами, как люди, не жили, хотели отрешиться от старого и начать жить по-новому, сбросив со своей души гнетущую тяжесть накопленных богатств. Но сделать это у них не хватало душевных сил. Капитализм способен разлагать человеческую душу, но не способен ее воссоздавать. Именно об этом говорит и пьеса, и спектакль «Последние».

Семья Коломийцевых разделилась на два лагеря. Одни хотят жить, добывая средства любым путем: торгуя своей совестью, честью, моралью и телом. Другие тоже хотят жить, но они стали разборчивее в средствах для существования, потому что в них заговорила человеческая совесть.

Артист Каштанов, играющий Ивана Коломийцева, достаточно убедительно и правдиво обнажил склад подлой, до мозга костей циничной души этого бывшего столпа «общества». Под его бутафорскими крыльями собираются дочь Надежда (артистка Горская), с улыбкой на устах продающая свое красное тело, и сын Александр (артист Гершойд), воплощение подлости и пошлости.

В этом же лагере находится его идеолог—муж Надежды, тюремный врач Лещ. Лещ—большая удача артиста Машелева. Зритель увидел человека со спокойствием палача и холодной расчетливостью Пудушки Головлева. Его глаза дале-

ко видят. Его руки, как клещи, хватают жертву и держат ее, пока она не испустит последнего дыхания. А Лещ, сделав свое дело, раскроет ладони, слегка ударит одну об другую, как бы говоря: «вот и все: дело сделано». И, тая улыбку победителя, он трогательно прикоснется любящими устами к руке жены, которая, кстати сказать, час тому назад была в объятиях своего «покровителя».

Другая часть семьи охвачена и встревожена тяжелыми мыслями, мрачными переживаниями. Младшая дочь Ивана Коломийцева—Вера (артистка Розовцева) так мило и искренне говорит о героических характерах, о красивых человеческих подвигах. Ничтожного оболочкового надзирателя Якова (артист Яблоновский) она обязательно хочет видеть в романтическом плаще и гордой позе героя. Но как жестоко посмеялась над Верой жизнь. Мечты девушки не совпали с действительностью. Плащ бескорыстного героя—это только беспочвенная личная мечта. Погоня полицейского—это она реальность.

Петр (артист Морен), младший брат Веры, понял, что «отец» и «человек»—это разные понятия. Он захотел говорить со своим отцом—Иваном Коломийцевым, как «человек с человеком». Отец наругался над мучительным желанием сына. И потому Петр тяжело страдает. Он понял, что находится в кругу безысходности и обреченности.

Наибольшее смятение чувств обнаруживает жена Ивана Коломийцева Софья. В талантливой игре артистки Каштанковой есть та теплота, та искренность и непосредственность, которые вызывают у зрителя ощущение подлинной жизни. Смотряшь, как играет Каштанкова, и видишь печальную жизнь Софьи, ее трагическую любовь к больному, безвольному, наделенному некоторыми симпатичными чертами Якову—брату Ивана Коломийцева. Софья всю жизнь должна была, в силу своего бесправного положения, скрывать любовь к Якову и не смела открыто сказать, что дочь Любовь, которую забудил Иван, сделал горбуньей, является дочерью Якова. Софья и Яков, которого с артистическим обаянием играет Сухарев, предстают в спектакле, как люди, понимающие мерзость жизненной повадки тех, кто находится в лагере Ивана Коломийцева. Но, если им дано понять коломицевское, то не дано против него активно бороться. В этом их трагедия. Софья может только сочувствовать и как мать сострадать горю Соболевой (артистка Добина), сына которой ее муж Иван безвинно оклеветал и посадил в тюрьму.

Спектакль «Последние»—вдумчивая работа режиссера Гайдарова и всего коллектива артистов. Как видим, театр не попрешел против Горького. В связи с этим хочется сделать несколько замечаний относительно рецензии тов. Ивлёва, помещенной в газете «Таганрогская правда». Тов. Ивлёв, плохо разобравшись в особенностях реализма Горького, в частности его драматургии, бросил режиссеру Гайдарову и всему театру серьезное обвинение в том, что «спектакль в целом лишен ансамбля и удален от Горького на значительное расстояние». Вот уж поистине: не разобравшись, где пожар, ударил в колокола. Не ясно ли, что не театр находится на значительном расстоянии от Горького, а рецензент Ивлёв. Разносить в дым театр за то, что он на одной веревке не повесил и Ивана Коломийцева, и Софью, и Веру, и Петра, и Надежду—это ли не вульгаризаторская чепуха?!

И. БРАЙЛОВСКИЙ.